

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-388-397

Научная статья

Соматические термины бурятского языка как локусы

В.И. Семенова

Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664023, Иркутск, ул. Ленина, 8
 semenova1963@mail.ru

Аннотация. Рассматривается развитие локусных значений у соматических терминов бурятского языка. Анатомическая терминология относится к базовой, наиболее древней части лексики во всех языках. Несмотря на это, названия частей тела не получили исчерпывающего семантического описания. Отмечается, что и в целом бурятская лексикология и лексикография являются менее исследованными, чем грамматический строй. Это вызывает необходимость всестороннего лингвистического изучения данной лексической группы слов. На основе анализа полевых материалов, собранных в 2014–2019 гг. в Усть-Ордынском бурятском округе Иркутской области, и сведений из научной литературы делается вывод о том, что в результате развития полисемии слова названия частей тела приобретают значение определенных участков территории, что позволяет им переходить в состав собственных имен. Рассмотренные примеры показывают, что в основе этого процесса находится метафора. Сравнение, лежащее внутри метафоры, выявляет сходство между двумя предметами, указывая тем самым какую-нибудь важную черту второго. Метафора порождает или подразумевает определенный взгляд на предмет, а не выражает его открыто. Таким образом метафора порождает дополнительные, вторичные значения соматических терминов. Иногда совершенно неожиданные «ассоциативные» значения имеют этническую обусловленность. Перенос значения слов на основе ассоциаций также способствует образованию локусных значений у соматической лексики.

Ключевые слова: соматизмы, полисемия, локусы, онимы

История статьи: поступила в редакцию 04.04.2022; принята к печати 04.06.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Семенова В.И. Соматические термины бурятского языка как локусы // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 3. С. 388–397. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-388-397

© Семенова В.И., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Somatic Terms of the Buryat Language as Loci

Victoriya I. Semenova

Irkutsk State University,
8, Lenin st., Irkutsk, 664025, Russian Federation
 semenova1963@mail.ru

Abstract. The article deals with the development of locus meanings in the somatic terms of the Buryat language. Anatomical terminology refers to the basic, most ancient part of the vocabulary in all languages. Despite this, the names of body parts have not received an exhaustive semantic description. It is noted that in general Buryat lexicology and lexicography are less studied than the grammatical structure. This necessitates a comprehensive linguistic study of this lexical group of words. Based on the analysis of field materials collected in 2014—2019 in Ust-Ordynskiy Buryat District of the Irkutsk region, and information from published works, it is concluded that as a result of the development of polysemy, the names of body parts acquire the meaning of certain parts of the territory, which allows them to move into proper names. The considered examples show that this process is based on a metaphor. A comparison lying within a metaphor reveals the similarity between two objects, thereby indicating some important feature of the second. Metaphor generates or implies a certain view of the subject, and does not express it openly. Thus, the metaphor generates additional, secondary meanings of somatic terms. Sometimes completely unexpected “associative” meanings are ethnically determined. The transfer of the meaning of words based on associations also contributes to the formation of locus meanings in somatic vocabulary.

Key words: somatisms, polysemy, loci, onyms

Article history: received 04.04.2022; accepted 04.06.2022

Conflict of interests: none

For citation: Semenova V.I. 2022. “Somatic Terms of the Buryat Language as Loci”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (3), 388—397. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-388-397

Введение

Человек, познавая окружающую действительность, сравнивает ее объекты с известными и понятными ему предметами и явлениями, прежде всего с собой, с частями своего тела. Соматизмы являются языковой универсалией. Нет народа, в языке которого не было бы слов, называющих голову, глаза, рот, нос, руки, ноги. Следует отметить, что в современной лингвистике нет общепринятого определения термина «соматизм», каждый исследователь принимает ту или иную точку зрения, исходя из собственных задач. Разногласия связаны с двумя моментами. Во-первых, одни исследователи относят к соматизмам наименования различных частей тела человека и животного [1], другие же рассматривают соматизмы как единицы, описывающие только человека [2. С. 160]. Во-вторых, возникает вопрос о том, какие единицы можно считать соматизмами, какой должна быть трактовка рассматриваемого термина: лингвистической или анатомической? Согласно лингвистическому подходу, соматизмами являются наименования наружных,

функционально значимых частей тела человека [3]. При анатомическом подходе соматизмами признаются части тела и внутренние органы человека [4]. Некоторые исследователи также причисляют к рассматриваемой группе слов наименования костных тканей, жидкостей организма [5; 6], названия болезней и некоторых проявлений жизнедеятельности организма [7. С. 5]. О последней точке зрения совершенно справедливо пишет В. В. Подгорная: «На наш взгляд, признание последней группы слов в качестве соматизмов сильно расширяет границы данного лексико-семантического поля, так как к соматизмам относят результат человеческой деятельности (слеза, слюна, болезнь), а не непосредственные составляющие организма» [2. С. 161].

Слова, обозначающие части тела, — наиболее древние во всех языках. Количество соматических терминов в отдельных алтайских языках в среднем составляет 200—250 единиц [8. С. 139]. Бурятский язык, как и другие монгольские языки, характеризуются наличием значительно меньшего числа указанных лексем. Это объясняется как исторически недавним расхождением монгольских языков, так и уровнем развития лексикографии и этимологии, в частности, бурятского языка.

В последнее время в бурятском языкознании появились работы, посвященные исследованию лексической семантики. Так, диссертация В.В. Базаровой посвящена выявлению типологии процессов развития лексики бурятского и русского языков [9]. Анализу семантического развития слов в монгольском и бурятском литературных языках посвящена работа И.А. Цыбиковой [10].

Названия же частей тела чаще всего упоминаются как апеллятивные основы топонимов [11; 12]. Но специальных работ, где соматические термины рассматриваются как самостоятельные объекты исследования, пока нет. В данной статье рассматриваются семантические процессы в структуре соматических терминов, приводящие к образованию локусных значений. При этом под соматизмами понимаются наименования внешних частей тела и внутренних органов человека и животных, костных тканей, жидких соединительных тканей и органов чувств. Объектом анализа послужили диалектологические и топонимические материалы, собранные в 2014—2019 гг. в Усть-Ордынском бурятском округе Иркутской области, а также данные научных статей и словарей.

Обсуждение

Соматические термины относятся к базисной лексике, наиболее устойчивой и менее открытой к заимствованиям. Хотя, как отмечают исследователи, такая «непроницаемость» относительна: «соматическая терминология имеет пограничные области, относящиеся к „культурной лексике“ (это медицинские и научные термины в случае, когда языком науки и медицины в данном культурном ареале является неродной язык... термины, относящиеся к разделке туш животных, в случае кодифицированности процесса разделки (они, в таком случае, заимствуются как любая другая обрядовая терминология)... названия частей тела добытого на охоте животного при наличии охотничьих табу; „игровые“ термины: названия различных типов альчи́ков в игре в бабки; названий пальцев рук в игре

типа „сороки-вороны“ и т.п.). При этом, что касается частей тела животных, „метафорический перенос“ с них на части тела человека практически регулярен, и таким образом заимствование может внедриться в основную зону соматической лексики» [13. С. 30].

Другими словами, анатомические термины относятся к наиболее древней, исконной части словарного состава языка. Не случайно их называют «докультурными терминами». Несмотря на давность функционирования, соматические термины в целом сохраняют устойчивость значений не только в бурятском, но и в других родственных монгольских языках, например: старомонгольское **čarba* ‘подмышка’; монгольское *царвуу(н)* ‘плечо; кисть руки, пясть’; *царбууны яс* ‘лучевая кость’; калмыцкое *царвуу* ‘запястье, предплечье’; бурятское *сарбаа*, *сарбуу* ‘запястье, лучевая кость’; в качугском диалекте бурятского языка *сарбуубша* ‘ватная полоска, надеваемая на запястье’; в эхирит-булагатском диалекте бурятского языка *сарбуу татаха* ‘резко сдернуть (одежду) с плеч; перен. резко ответить, одернуть’. Эти примеры показывают, что во всех трех языках общая сема сохраняется.

Большая часть слов — названий частей тела обладает развитой полисемией. Одно и то же слово может обозначать более трех смежных понятий. В результате лексикализации метафорического или метонимического значений анатомические термины переходят на другие объекты окружающей природы, предметы материальной культуры и проч. Многие названия частей тела употребляются в составе ботанических и зоологических терминов. Так, *нюдэн* ‘глаз’ встречается в названии смородины *үхэр нюдэн*, букв. бык глаз; рыбы сороги — *улаан нюдэн*, букв. красный глаз. Понятие «голова» — *толгой* употребляется как единица счета: *толгой тоолохо* ‘считать поголовно’. Термин *бөөрэ* ‘почки’ в составе выражения *үрөөһэн бөөрэ* ‘одна из пары почек’ получает значение ‘точно такой же, одинаковый, похожий’.

Поскольку соматические термины обладают конкретным предметным значением, их смысловые изменения можно довольно легко проследить. Здесь мы хотим рассмотреть примеры перехода соматических терминов в состав локусов — обозначений определенных мест, участков местностей. Рассмотрим наиболее типичные в этом отношении термины.

С понятием «рот» — *аман* связаны представления о различных отверстиях, входах, проходах и т.п.: *үхэр буугай аман* ‘жерло пушки’; букв. пушки рот; *пулемедой аман* ‘дуло пулемета’; букв. пулемета рот; *абаргын аман* ‘раствор тисков’; букв. тисков рот. Общие семантические модели наблюдаются и в других вторичных значениях, относящихся, в частности, к основным функциям ротовой полости/рта — приему пищи и воспроизведению речи: *аманда орохо* ‘попасться кому-либо в пасть, попасть в беду, подвергаться опасности’; букв. в рот попасть; *ама халха* ‘начать говорить’; букв. рот разрезать, разорвать; *гурбан ама тэжээхэ* ‘содержать троих иждивенцев’; букв. три рта кормить. Как локусное можно отметить значение ‘отверстие, дыра, вход, например, в нору, залив, ущелье’: *хадын аман* ‘горный проход’; букв. горы рот; *мүрэнэй аман* ‘устье реки’; букв. реки рот.

Бэе — основное значение слова — ‘тело, туловище; организм’. В результате метафорического переноса появляется значение ‘сторона чего-либо; берег’: *ара бэе* ‘задняя сторона’; букв. заднее тело; *урда бэе* ‘перед, передняя сторона’; букв. переднее тело; *нюур бэе* ‘перед, передняя сторона’; букв. лицо тело; *доодо бэе* ‘низ,

нижняя сторона»; букв. нижнее тело; *голой саада бэе* ‘противоположный берег реки»; букв. реки дальнее тело. В западных бурятских говорах в результате фонетического стяжения и образования долгого гласного в слове *бэе* образовалось наречие *энэбии* ‘эта сторона’: *энэбиидэ гара* ‘перейди на эту сторону’.

Нюрган — ‘спина; позвоночник; рост’; парн. *нюрга сээжэ* ‘торс, туловище’; перен. хребет; *хадын нюрган* ‘горный хребет’; букв. горы позвоночник; ‘поверхность; возвышение, выступающее на ровной поверхности’; *талын нюрган* ‘бугор в степи’; букв. степи позвоночник; *харгын нюрган* ‘обочина дороги’; букв. дороги позвоночник.

Нюур — основное значение слова ‘лицо; личность’. Локусное значение выявляется в семах ‘лицевая сторона, фасад; сторона’: *уйлсын хойто нюураар* ‘по северной стороне улицы’; букв. по улицы северному лицу.

Тохой — основное значение слова ‘локоть, локтевой сустав’. В результате метафоры по сходству формы появилось значение ‘излучина, изгиб, лука реки’: *голой тохой* ‘реки изгиб’; букв. реки локоть.

Хоолой — основное значение слова: ‘горло, гортань, глотка, кадык, пищевод, дыхательное горло, шея’. В Бурятско-русском словаре [14. С. 586] указано значение ‘горло’ с пометой *географическое*: ‘перешеек, приток; рукав (реки); пролив’: *хоолойгоор гаталха* ‘переправляться через приток (реки)»; букв. горлом реки переправляться; *Сагаан далайн хоолойгоор гараха* ‘проходить залив Белого моря’; букв. Белого моря горлом проходить; *Карельскэ хоолой* ‘Карельский перешеек’; букв. Карельское горло. У слова *хоолой* отмечается также значение ‘узкий проход; переулок; закоулок’, которое тоже можно отнести к локусному: *хадын хоорондохой хоолойгоор гаража ерэбэб* ‘я прошел по узкому проходу между гор’; букв. я прошел горлом между гор. Переносные значения слова *хоолой* ‘приток, рукав реки, перешеек; пролив; переулок; закоулок’ появились в результате метафоры по сходству формы — узкое ответвление от основной части.

У слова *хушуун* Бурятско-русский словарь [14. С. 609] указывает основное значение ‘выступ; выдающаяся (или выступающая) вперед часть чего-либо; морда (животного); клюв (у птиц)’ и редкое значение ‘губы, нос’. Локативное значение слова *хушуун* обнаруживается в значениях ‘выступ земли; мыс’: *хадын хушуун* ‘выступ горы’; букв. клюв горы.

Шэлэ — прямое значение слова ‘затылок; загривок’. В словаре [14. С. 744] указывается и локативное значение: ‘горный перевал; высокое место’. Метафорический перенос произошел на основе сходства — нечто выступающее, выделяющееся по высоте.

Тоонто — основное значение слова ‘послед, плацента’. У бурят существовал обряд *тоонто хадагалаха* ‘хоронить послед’ — закапывать плаценту, создавая своеобразное «жилище» новорожденного, которое должно стать хранителем и покровителем человека на всю жизнь. В традиции западных бурят бытовал обычай навещать место захоронения своего последа на родовой земле. В переносном значении слово используется как ‘место рождения’: *мини тоонто газар* ‘место моего рождения’.

Толгой — основное значение слова ‘голова’. Еще одно значение этого слова ‘вершина (горы)’ появилось в результате переноса по сходству местоположения,

т.е. самая высокая часть объекта: *хадын толгой* ‘горы вершина’. Словом *толгой* может быть названа возвышенность, холм или курган: *баруун толгой* ‘западный курган’; букв. западная голова. В основе этого переноса мы наблюдаем метафору по сходству формы, некоего выступающего, возвышающегося объекта. Подобное локусное использование соматизма *толгой* отмечается повсеместно в регионах расселения бурят.

Следует отметить еще один тип переноса значения. Выше указывалось переносное значение слова *нюрган* ‘спина; позвоночник; рост’, такое как ‘хребет’: *хадын нюрган* ‘горный хребет’; букв. горы позвоночник. В западно-бурятских говорах существует выражение *үбэлэй нюрган* ‘середина зимы’; букв. зимы позвоночник, хребет. Так называют период времени в конце января. Считается, что если половина запасов кормов останется к этому времени, то скот сможет благополучно перезимовать. Представляется, что это значение слова *нюрган* тоже можно отнести к локусному, но не к пространственному локусу, а временному — обозначается определенный период времени года. Такое же временное локусное значение обнаруживается у слова *һүүл* ‘хвост’: *үбэлэй һүүл* ‘зимы конец’; букв. зимы хвост; *жэлэй һүүл* ‘года конец’; букв. года хвост. Подобные примеры иллюстрируют образование переносных значений не по сходству или смежности, а скорее, по ассоциациям, например: позвоночник проходит по середине, деля спину пополам — отсюда: период времени, означающий, что половина зимы прошла.

Анатомические термины нередко встречаются и в топонимических системах. А.В. Суперанская, говоря о том, что лишь предметно воспринимаемые реалии пространства / времени получают собственные имена, приводит пример: «...спокойно и ровно тянущаяся береговая линия не получит иного названия, как берег, пляж, побережье. Но достаточно этой линии образовать хотя бы небольшой выступ в сторону моря, как непрерывность и плавность линии нарушается. Выступ получает свое особое обозначение: мыс или нос такой-то» [15. С. 102]. Сначала анатомический термин в результате переноса значения приобретает функцию детерминатива (географического термина), а затем уже номенклатурный географический термин закрепляется в составе названия определенного географического объекта, становится топонимом или входит в состав топонима-композиата. Е.В. Сундуева отмечает, что в подобных метафорических названиях проявляются одновременно универсальная закономерность и региональная специфика [16. С. 147].

В бурятской топонимии можно обнаружить множество топонимов, образованных от соматических терминов: местность *Толгой* ‘голова; вершина’ [17. С. 186], падь *Морин Толгой* — от *морин толгой* ‘конь голова’ [18. С. 140], гора *Нарин Толгой* — от *нарин толгой* ‘тонкая, узкая голова’ [18. С. 142]; местность *Хоолой* ‘горло; перешеек, приток, рукав реки, пролив’ [17. С. 212]; село *Тохой* ‘локоть, локтевой сустав; излучина, изгиб реки’ [17. С. 188]; губа *Нюрганская* [18. С. 355], урочище *Нюрган* и улус *Нюрганай Онгой* [18. С. 79] от бур. *нюрган* ‘спина; хребет’; гора *Хушуун* от *хушуун* ‘выступ, выдающаяся часть; губы, нос’ [18. С. 240].

В Баяндаевском районе Иркутской области были зафиксированы названия двух возвышенностей — *Зүүн Шэлэ* и *Баруун Шэлэ* от *зүүн* и *баруун шэлэ* ‘восточный и западный загривок’.

В Нукутском районе отмечены названия улусов *Зүүн Шанаа* и *Баруун Шанаа* — от *шанаа* ‘скула’; *шанаа углуу* ‘угол, закоулок’. Деревню с таким же названием находим в книге «Географические названия Республики Бурятия: топонимический словарь» — *Шанаа* [17. С. 226]. Там же указан *Шанатский хребет*. Авторы отмечают, что *шанаа* в топонимии означает ‘вершина, гребень, хребет горы’.

В Эхирит-Булагатском районе существует урочище *Дала* (правобережье реки Куда), название которого образовано от *дала* ‘лопатка (анатомическая)’.

Интересным представляется появление у слова *толгой* значения ‘начало, исток какой-либо реки, ручья’: *горхоной толгой* ‘исток ручья’. Здесь можно говорить о более сложной психологической метафоре, где голова представляется как начало, основа, как нечто самое важное. Примеры подобных локусов приводит И.А. Дамбуев: «В пяти случаях термин употребляется в гидронимах. Все они называют верхние притоки горных рек, и, скорее всего, заимствуют названия гор и вершин, с которых стекают эти притоки: *Хара-Толгой* (Окинский район Республики Бурятия), *Ногоон-Толгой* (Джидинский район Республики Бурятия), *Уха-Толгой* (Иволгинский район Республики Бурятия) и др.» [19. С. 24].

В наших материалах обнаруживается топоним *Талхаши-Толгой* — исток реки Мурин (бур.: *мүрэн* ‘река’). Две вершины, между которыми начинается исток Мурина, называются *Зүүн Үндэр* ‘левая / восточная высота’ и *Малаан Уула* ‘лысая гора’. Как видим, названия отличаются от названия истока реки. Нам представляется, что топоним образован от слова *талхан* ‘мука; тесто, хлеб’: на реке были поставлены две мельницы, принадлежащие двум соседним улусам, расположенным по обоим берегам реки. *Талхаши* — это западно-бурятская форма множественного числа, родительного падежа слова *талхан*, в литературном бурятском: *талхадай*. Такое же значение ‘начало, исток какой-либо реки, ручья’ выявляется у топонима *Задайн-Толгой* — местность, где находится исток правого притока реки Мурина (от *зада* ‘неладье, непогода’, букв. неладья голова). Форма *задайн* — западно-бурятская форма родительного падежа слова *зада*, в литературном бурятском: *задын*. С.А. Гурулев, указывая топоним *Оса Толгой*, связывает его происхождение с бур. *аса толгой* ‘развилка; вилы; рогулька; рогатка’ и *толгой* ‘голова’ [18. С. 81]. Нам представляется, что топоним произошел от бурятско-монгольского *ос(о)/ус(ан)* ‘вода’; ср.: старомонгольское **os//us*, совр. бур. *уһа(н)* id. Тем более, *Осо Толгой* — это урочище в верховье реки Ирсай, т.е. топоним также можно толковать как ‘воды исток’; букв. воды голова.

Апеллятивными основами топонимов становятся не только названия частей тела человека, но и внутренних органов. Например, недалеко от села Гаханы Баяндаевского района Иркутской области есть поляна *Зүрхэн*, название которой образовано от бур. *зүрхэн* ‘сердце’, очертаниями она похожа на человеческое сердце. В Качугском районе есть река *Манзурка* (левый приток р. Лены) и одноименный поселок, бурятское название которых *Баян Зүрхэн*. Название реки *Баян Зүрхэн* часто фигурирует бурятских родословных преданиях. Вопрос об этимологии этого топонима не получил однозначного решения. Одни исследователи считают, что топоним произошел от бур. *баян зүрхэн* ‘богатое сердце’, предлагаются и другие толкования [18. С. 75—76]. Д. Д. Нимаев указывает, что *зүрхэн* — «обычно название гор с островерхой вершиной» [12. С. 25].

В Эхирит-Булагатском районе нами зафиксирован топоним *Тоонто* (падь на правом берегу Мурина) — от *тоонто* ‘послед, плацента’; топоним образовался от переносного значения слова ‘место рождения; место, где была закопана плацента’.

Принципы номинации географических объектов всегда были актуальными и довольно спорными вопросами топонимических исследований. Так, например, Э.Р. Рыгдылон, возводил название известного горного перевала в Бурятии *Хамар Дабана* к слову *хамар* ‘орехи’, а не *хамар* ‘нос’ и писал, что «у бурят не принято оттенять геоморфологические или иные особенности местности путем сравнения ее с частями человеческого тела» [11]. Ему возражает Д.Д. Нимаев: «Имеющиеся данные не позволяют согласиться с подобной постановкой вопроса. Например, в Селенгинском районе Бурятской АССР, близ села Ташир нами зафиксирован еще один аналогичный топоним. Данное название осмысливается местными жителями только в значении ‘нос-перевал’. Тому служат подтверждением и геоморфологические особенности объекта. Кроме того, нет никаких оснований происхождения рассматриваемого имени связывать со значением слова *хамар*... Термины *хамар* (*камар*, *кемир*), обозначающие мысы, утесы, возвышенности, имеют распространение и в других регионах — Средней Азии, Поволжье. Кроме того, у якутов имеется термин *тумул* (*тумус*) — букв. ‘нос’, употреблявшийся для названий мысов, выступов, оконечностей гор. Аналогичный термин бытует и в других тюркских языках» [12. С. 25].

В этой же работе Д.Д. Нимаев пишет: «Необходимо учесть, что названия, связанные с частями человеческого тела, соотносятся со строго определенной группой географических объектов, т.е. все они являются оронимами» [12. С. 25]. С этим выводом также нельзя согласиться полностью. Приведенные выше примеры показывают, что соматические термины входят в состав не только названий гор и иных возвышенностей — оронимов, но обнаруживаются и в составе других рядов топонимов: гидронимов — названий водных объектов, хоронимов — названий территорий, агроонимов — названий земельных участков, полей и др.

Заключение

Соматические термины в результате метафоризации становятся локусами, указателями определенных участков местности, территории. Большинство источников определяют метафору как скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее тем самым какую-нибудь важную черту второго. Метафора заставляет обратить внимание на сходство между двумя предметами, иногда совершенно неожиданное. Метафора подразумевает определенный взгляд на предмет, не выражая его открыто. Метафора порождает дополнительные, вторичные значения соматических терминов, а затем в результате онимизации соматизмы попадают в топонимическую систему языка. В подобных случаях проявляется общечеловеческое психологическое свойство сравнивать и отождествлять различные реалии окружающей действительности. Но многозначность слов не исчерпывается только явлением полисемии слова. Наряду с прямым «референтным» или «денотативным» значением слова существуют так называемые ассоциативные значения. Перенос значения слов на основе ассоциаций также способствует образованию локусных значений у соматической лексики.

Список литературы

1. *Вакк Ф.А.* О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллинн, 1964.
2. *Подгорная В.В.* Телесность в языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2015. № 2 (44): в 2 ч. Ч. I. С. 160—163.
3. *Назаров О.* Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов русского и туркменского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1973.
4. *Olza Moreno I.* Aspectos de la semántica de las unidades fraseológicas. La fraseología somática metalingüística del español. Pamplona, 2009.
5. *Кармышаков А.О.* Соматические фразеологизмы в русском и кыргызском языках: дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 1992.
6. *Старых О.В.* Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III. Филология.* 2011. Вып. 2 (24). С. 80—85.
7. *Кочеваткин А.М.* Соматическая лексика эрзянского языка. Саранск: Красный октябрь, 2001.
8. *Колесникова В.Д.* О названиях частей тела в алтайских языках // *Проблема общности алтайских языков.* Л.: Наука, 1971.
9. *Базарова В.В.* Типология процессов развития лексики бурятского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1995.
10. *Цыбикова И.А.* Типология семантического развития слов в монгольском и бурятском литературных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2003.
11. *Рыдылон Э.Р.* Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области // *Советская археология.* 1955. № XXII. С. 177—189.
12. *Нимаев Д.Д.* Из истории этимологии одного топонима // *Ономастика юга Восточной Сибири и Монголии: тезисы докладов к региональной конференции.* Иркутск: ИГУ, 1989. С. 25—26.
13. *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
14. *Черемисов К.М.* Бурятско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1973.
15. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного / отв. ред. А.А. Реформатский. Изд. 3-е, испр. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
16. *Сундуева Е.В.* Аппелятивные основы географических терминов (на материале монгольских топонимов) // *Актуальные проблемы востоковедения: материалы конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.-Д. Бадараева.* Улан-Удэ, 2001. С. 147—150.
17. Географические названия Республики Бурятия: топонимический словарь / сост. И.А. Дамбуев, Ю.Ф. Манжуева, А.В. Ринчинова. Улан-Удэ, 2006.
18. *Гурулев С.А.* Топонимика Усть-Ордынского Бурятского округа. Иркутск, 2011.
19. *Дамбуев И.А.* Географический термин толгой в топонимии этнической Бурятии // *Найдаковские чтения-4. Тюрко-монгольский мир. Гуманитарные исследования: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.С. Дампилова.* Улан-Удэ, 2018. С. 23—25.

References

1. Vakk, F.A. 1964. On somatic phraseology in the modern Estonian literary language. Cand. ped. sci. diss. abstr. Tallinn. 30 p. Print. (In Russ.).
2. Podgornaya, V.V. 2015. "Corporeality in language". *Philological sciences. Questions of theory and practice* 2 (44): 160—163. Print. (In Russ.).
3. Nazarov, O. 1973. Comparative analysis of somatic phraseological units of the Russian and Turkmen languages. Cand. ped. sci. diss. abstr. Ashkhabad. 29 p. (In Russ.).
4. Olza Moreno, I. 2009. Aspectos de la semántica de las unidades fraseológicas. *La fraseología somática metalingüística del español.* Pamplona. Print. (In Esp.)

5. Karmyshakov, A.O. 1992. “Somatic phraseological units in Russian and Kyrgyz languages”. Cand. ped. sci. diss. abstr. Bishkek. 243 p. Print. (In Russ.).
6. Starykh, O.V. 2011. “Somatismas as a special class of words in the lexical system of the Church Slavonic language”. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. Series III. Philology* 2 (24): 80—85. Print. (In Russ.).
7. Kochevatkin, A.M. 2001. *Somatic vocabulary of the Erzya language*. Saransk: Krasnyi Oktyabr publ. Print. (In Russ.).
8. Kolesnikova, V.D. 1971. On the names of body parts in the Altaic languages, The problem of the generality of the Altai languages. Leningrad: Nauka. Pp. 139—151. Print. (In Russ.).
9. Bazarova, V.V. 1995. *Tipologiya processov razvitiya leksiki buryatskogo i russkogo yazykov*. Cand. ped. sci. diss. abstr. Ulan-Ude. Print. (In Russ.).
10. Cybikova, I.A. 2003. *Tipologiya semanticheskogo razvitiya slov v mongol'skom i buryatskom literaturnyh yazykah*: Cand. ped. sci. diss. abstr. Ulan-Ude. Print. (In Russ.).
11. Rygdylon, E.R. 1955. Settlements of the Ust-Orda Buryat-Mongolian National District of the Irkutsk Region. *Soviet Archeology XXII*: 177—189. Print. (In Russ.).
12. Nimaev, D.D. 1989. From the history of the etymology of one toponym. Abstracts of reports for the regional conference Onomastics of the south of Eastern Siberia and Mongolia. Irkutsk: IGU publ. Pp. 25—26. Print. (In Russ.).
13. Dybo, A.V. 1996. *Semantic reconstruction in Altaic etymology. Somatic terms (shoulder girdle)*. Moscow: Shkola Yazyki russkoj kul'tury publ. Print. (In Russ.).
14. Cheremisov, K.M. 1973. *Buryat-Russian dictionary*. Moscow: Sovetskaya enciklopediya publ. Print. (In Russ.).
15. Superanskaya, A.V. 2009. *General theory of a proper name* / Resp. ed. A.A. Reformatskiy. Moscow: Knizhnyj dom LIBROKOM publ. Print. (In Russ.).
16. Sundueva, E.V. 2001. “Appellative foundations of geographical terms (based on Mongolian toponyms)”. In *Actual problems of Oriental studies. Materials of the conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of B.-D. Badaraev*. Ulan-Ude, pp. 147—150. Print. (In Russ.).
17. *Geographical names of the Republic of Buryatia: toponymic dictionary*. 2006. Composed by I.A. Dambuev, Yu.F. Manzhueva, A.V. Rinchinov. Ulan-Ude. Print. (In Russ.).
18. Gurulev, S.A. 2011. *Toponymy of the Ust-Orda Buryat district*. Irkutsk: Izd-vo In-ta geografii im. V.B. Sochavy SO RAN. Print. (In Russ.).
19. Dambuev, I.A. 2018. “Geographical Term Tolgoy in the Toponymy of Ethnic Buryatia”. In *Naidakov Readings — 4. The Turkic-Mongolian World. Humanitarian research: Sat. scientific st. / resp. ed. L.S. Dampilov*. Ulan-Ude. Pp. 23—25. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Семенова Виктория Ильинична — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры бурятской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета. E-mail: semenova1963@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4097-6510

Bio Note:

Victoriya Il'inichna Semenova is a PhD, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Buryat Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: semenova1963@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4097-6510